

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А.Н. НИКОЛЮКИНА «НАЕДИНЕ С РУССКОЙ КЛАССИКОЙ» (М., 2013. – 442 с.)

На горизонте современного литературоведения выделяется значительнейшее явление – литературоведческая деятельность Александра Николаевича Николюкина. Его капитальные труды – «Литературная энциклопедия терминов и понятий», «Литературная энциклопедия русского зарубежья» (т. 1-4), собрания сочинений В.В. Розанова и М.Н. Каткова, издаваемые под редакцией учёного, объединившего большой коллектив творчески работающих специалистов, а главное – собственные монографические исследования составляют ценнейшую библиотеку книг, посвящённых мировой художественной литературе, взаимодействующей с философией.

Новый труд А.Н. Николюкина «Наедине с русской классикой» показал современные методологические тенденции в гуманитарных науках. Всегда чётко и недвусмысленно обозначавший свою социально-нравственную позицию, он и здесь отказался от обезличенного отношения в научном труде к изучаемым явлениям. «Я» учёного, которое было как бы под запретом в прежнем времени, теперь у Александра Николаевича, занявшего позицию «наедине» с классикой, говорит ясно и простодушно то о своей биографии, то о личных читательских особенностях и предпочтениях, подходах... «Личный» характер научных размышлений – это новая черта в трудах учёных старшего поколения: А.Ф. Лосева, Г.Д. Гачева, а теперь и А.Н. Николюкина. Конечно, гуманитарная наука при всей своей объективности не должна быть безличной, особенно когда большой, плодотворный путь труда пройден. Этот путь поучителен и нравственно обогащает читателя.

И в новой книге учёный предстает как мыслитель, занятый актуальнейшими проблемами наших дней. Мировой литературный процесс – в центре внимания автора, изучающего не столько далёкое прошлое, сколько Новое время в своих художественно-духовных проявлениях в литературе. Сравнительно-исторический метод, ссылки на труды акад. М.П. Алексева, Р.М. Самарина свидетельствуют о достойной научной базе, о восхождении к классическим истокам русского литературоведения: русская литература взаимодействует с западноевропейской и американской. Будучи знатоком, особенно последней, автором книги «Амери-

канский романтизм и современность», А.Н. Николюкин и здесь на широком фоне мирового художественного процесса изучает романтизм в повествовательной литературе. Чрезвычайно интересны пушкиноведческие изыскания, касающиеся отношений России и Америки в 20-30-х годах XIX века. Две великие державы уже тогда выделились в умах современников, взаимный интерес обозначился; уже тогда А.С. Пушкин и люди из близкого ему окружения увидели в американизме дух меркантильности, приземлённой бездуховности, торгашеский дух, который претил русской интеллигенции. «Побег в Америку» встречал в мирозерцании противостояние – любовь к России, желание служить ей. Главы книги, посвящённые той поре, насыщены фактическим материалом, убедительным, обширным и новым. Вообще учёный любит факты в науке, неопровержимые аргументы в исследовательской работе.

Глава и о другом классике – «Восковые фигурки» Гоголя» – посвящена выявлению историко-литературного и общекультурного значения этого писателя через анализ мнений о нём В.В. Розанова. Его блистательный слог с остротами, парадоксами, оригинально сформулированными заключениями представлен в главе во всём своеобразии этого философа. Эпатирующие противоречия в суждениях о Гоголе отнюдь не скрыты, они поражают и заставляют задумываться читателя. Розанов считает, что Гоголь показал «красоту души русского человека», уникальны слова писателя, проникнутые любовью, о русском слове, по существу о «могуществе души и ума русского человека» (в книге цитиру-

ются суждения философа). В то же время он заявляет о «тайне» Гоголя, о его неразгаданности, о неправомерности судить о России по произведениям этого писателя, о его «беспредельной злобе», о том, что «смех Гоголя отрицает Россию», о тяготении писателя к «мертвячине», к «страшному»... «Розанов признаёт правоту Гоголя как провозвестника «русского бунта»... (122). А.Н. Николюкин полагает, что этот русский писатель, «великий сатирик», будучи предшественником Некрасова, и Щедрина, и Достоевского, показал то, что привело к русской революции и «к смерти старой России» (там же). Суждения Розанова выглядят в рецензируемой книге как яркие факты значения конкретно-исторической ситуации для сделанных оценок, талантливое применение приёмов «рецептивной эстетики», модной и в современной науке.

Также и мнения Розанова о Лермонтове, «неизбывности» демонической темы у поэта явно грешат относительной правдивостью, недосказанностью, игнорированием многого другого и важного: лермонтовского патриотизма, «неизбывности» признаний поэта в любви к России. Философ не обратил внимания и на сквозной мотив поэзии Лермонтова «встречи с Ангелом», появившийся уже в ранних стихах поэта, в его шедевре «по небу полуночи Ангел летел...», и в последнем варианте знаменитой поэмы, кстати, не напечатанной самим Лермонтовым и существующей лишь в виде большой серии вариантов. Заканчивая последний – снова изображением «встречи с Ангелом» «злого духа» из преисподней, поэт отказался от какой-либо идеализации демона: он дышит злобой, адским холодом и нена-

вистью в своём бессилии. А в написанной в том же 1839-ом году «Сказке для детей», тоже с мотивом обольщения спящей девушки адским духом, недвусмысленно его называет Мефистофелем и ругает: «сволочь с рогами». Розанов как-то не видит всего того у Лермонтова, что противоречит обвинениям поэта в «демонизме». В главе о Лермонтове показан пессимизм Розанова, который не разгадал «тайны» души великого поэта.

В.В. Розанов занял большое место в научной деятельности А.Н. Николюкина и в его книге «Наедине с русской классикой». Главные принципы отношения исследователя к этому предмету его изучения – объективность-справедливость и христианское милосердие. Глава «Религиозное мирозерцание В.В. Розанова» включила в себя с самого начала трогательные слова (доводящие до слёз) старого и больного великого философа, как его называет автор книги, к «Максимушке» Горькому с мольбой о спасении: «Гибну, гибну, гибну...» (246). Такое невозможно читать без сердечной боли, без горького сочувствия философу, страдающему от холода, голода, болезней, старости и боязни за судьбу своей семьи. Социальный аспект изучения жизни и идейного наследия Розанова постоянно присутствует в рассматриваемой книге. С трудом поддаются сочинения Розанова общей и единой оценке. Автор отчётливо видит, что, с одной стороны, Розанов – противник позитивизма, «перестал быть безбожником» (по его собственным словам, начиная с университета, но ведь был им) и стал глубоко религиозным человеком; думал только о Боге и не боялся его. Однако «Страх Божий» – это хри-

стианское наставление ввиду греховности человеческой природы. Разве об этом не знает философ? Его апология семьи, исконных, древних семейных устоев, прав человека на все радости семейной жизни очень актуальны с учётом новейших искривлений, извращений, существующих в новом тысячелетии. Вместе с тем собственная личная семейная жизнь философа не лишена изломов и противоречивых идейных обоснований. В конце концов, он умозрительно отверг христианские ограничения человеческой плотской необузданности и утверждал вместе с Ф. Бэконом: «повелевать природою можно, только повинувшись ей» (261), а далее следует философская апология любовных страстей, вопреки тому, что их губительное воздействие на человека философу было хорошо известно уже по литературной классике. Он осуждал «бесплодность» семьи, духовно-скопческие тенденции в романах «Евгений Онегин» и «Анна Каренина» (там же). Одобряя человеколюбивые устремления философа, его неизменно нравственные принципы размышления, А.Н. Николюкин одновременно отмечал разносторонность интересов Розанова и разнонаправленность его выводов: «Подобно Янусу Розанов одновременно смотрел в разные стороны, «шёл в двух направлениях» (264). Автор рецензируемой книги признал «неоднозначное отношение философа к Новому Завету и к христианскому миру», христианство для него – «религия смерти» (там же).

Также неубедительны противоречивые отношения Розанова к славянофильству, известному и близкому ему в результате общения с Н.Н. Страховым, К.Н. Леонтьевым, влияния Ф.М. До-

стоевского. Однако, будучи человеком (мыслителем) самого конца XIX века и только начала XX-го, он воспринял переживаемую фазу русской истории как «предсмертную» и не осознал, не хотел видеть начала новой жизни – «пробуждение масс», отстаивающих свои социальные права. Новый социум жестоко и немилосердно отплатил ему.

Книга А.Н. Николюкина отразила появление нового взгляда на историю русской литературы XIX века. Особенно очевидно это в главе о М.Н. Каткове. Автор рецензируемой работы высказал своё отношение к русскому консерватизму второй половины XIX века. Портрет Каткова, даже созданный через призму Розанова, не вызывает даже тёплой симпатии. Он двойственен: в Каткове какая-то «сухость», его взор «был фиксирован на правительстве, а не на душе человеческой» (176); он «ГРОМ» какой-то «безличный»; «потерял духовное равновесие» (Вл. Соловьёв). Но велика заслуга политического консерватизма Н.Н. Каткова, считавшего: «Государственное единство есть благо, которым русский народ дорожит и должен дорожить, если не хочет обратить в ничто дело тяжкого тысячелетия и исчезнуть с лика земли» (166). Катков ценил славянофильскую идею. Нельзя не согласиться с автором книги «Наедине с русской классикой», утверждающим, что «глава» о М.Н. Каткове должна получить своё место в «Истории русской словесности». А.Н. Николюкин является ответственным редактором современного шеститомного издания этого знаменитого апологета русского политического консерватизма.

Последние десятилетия научной деятельности Александра Николаевича

были посвящены изучению русской литературы второй половины «золотого века» и «веку серебряному».¹ И в новой книге высказана важная мысль о *целостности* русской литературы XIX – XX веков и, видимо, даже древнейшего времени. Имеются в виду глубинные основы русской литературы – исторические, религиозные, именно христианские. А.Н. Николюкин последовательно не приемлет ленинские классовые подходы к литературному процессу, выделения «двух культур», рассмотрения явлений (например Л. Толстого) «с одной стороны» и «с другой стороны». Нельзя отвергать литературных достижений русских эмигрантов XX века, выводить их за пределы русской литературы только что минувшего столетия. Они внесли свою лепту в русский историко-литературный процесс Нового времени. Автор рецензируемой книги всегда дифференцированно подходил к оценке их наследия. Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Г.В. Адамович, И.А. Бунин, В.К. Зайцев и др. – все они разные, и каждый заслуживает внимательного, объективно-доброжелательного исследования творческой индивидуальности. Такая задача выдвинута в трудах А.Н. Николюкина и в новой его книге. Она им успешно решается, и в её решениях

¹ Пишу с маленькой (строчной) буквы эти металлические эпитеты, потому что в отличие от Античности в Новое время стало хорошо известно, что «Люди гибнут за металл...», «Сатана там правит бал...»; «Там царь Кашей над золотом чахнет...». Мало заслуг замечено в таком духовном искусстве (отнюдь не материальном), если оно заслужило только металлические, денежные эпитеты; да и нет «века» у так называемого «Серебряного» периода; все эти наименования – сплошные условности, скорее снижающие значение литературных явлений.

принимают участие филологические кафедры МГОУ, особенно кафедра истории русской литературы XX века. А.Н. Николюкин одним из первых на новом этапе исторического развития русской литературы обратился к изучению её связей с русской философией. Учёный выразил новое понимание сущности русской философии, искони единящейся с художественной словесностью. Он обогатил соответствующую методологию – философ-

ско-литературоведческую – многими новыми аргументами, фактами, почерпнутыми даже из архивов, наблюдениями над взаимодействием русского и общемирового художественного творчества, закрепил в науке новые теоретические термины и понятия.

Рецензируемая книга – ценный, новейший вклад в русское литературоведение на современном этапе.

В.Н. Аношкина-Касаткина